

Искусство шумов

Луиджи Руссоло / Luigi Russolo

Уважаемый Балилла Прателла, великий Футуристический композитор,

в Риме, в переполненном людьми Оперном театре, во время прослушивания оркестрового исполнения Вашей безграничной футуристической музыки с моими друзьями-футуристами, Маринетти, Боччони, Карра, Балла, Соффичи, Папини и Каваччиоли, мне в голову пришла идея нового искусства, которое можете создать только Вы - Искусство шумов, логическое продолжение Ваших удивительных нововведений.

Древняя жизнь была абсолютно беззвучной. В девятнадцатом веке с изобретением машин родился Шум. Сегодня Шум торжествует и главенствует над чувствами людей. Много веков жизнь людей проходила в тишине и лишь иногда при заглушенных звуках. Самые громкие звуки, которые прерывали тишину, не были интенсивными, продолжительными или разнообразными. Не считая землетрясений, ураганов, штормов, лавин и водопадов природа беззвучна.

Среди этого дефицита шумов первые звуки, которые человек извлек из куска тростника или натянутой тетивы, были признаны удивительными и изумительными. Первобытные люди считали звук принадлежностью богов; он считался святым и использовался в основном жрецами для придания большей таинственности своим ритуалам.

Так была создана концепция звука как такового, отдельного от жизни, и результатом этой концепции стала музыка, фантастический мир, существующий одновременно с обычным миром, неприкосновенный и священный. Легко понять, что такая концепция музыки неизбежно уменьшала скорость её развития по сравнению с другими искусствами. Греки, музыкальные теории которых были построены Пифагором на основе математических законов, по которым можно было использовать только небольшое количество консонантных интервалов, заметно ограничивали поле музыки, делая недоступными для себя гармонии, не описываемые математическими законами.

Средние века, с развитием и изменением греческой тетракордовой системы, григорианским пением и народными песнями, обогатили искусство музыки, но продолжали рассматривать звук в его развитии во времени, это ограниченное представление, которое продолжало существовать много веков, и которое до сих пор присутствует в самых сложных полифониях фламандских контрапунктистов.

Гармония не существовала, развитие разных групп не подчинялось гармонии, которую все группы, звучащие вместе, могли создавать; произведение строилось горизонтально, не вертикально. Желание, поиск и вкус к одновременному звучанию разных звуков, то есть гармонии, постепенно стали явными, перерастая из полностью консонантных аккордов с редкими, проходящими диссонансами в сложные, постоянные диссонансы, которые характерны современной музыке.

Сначала искусство музыки искало чистоты, прозрачности и приятности звука. Затем разные звуки начали объединяться, тем не менее, с немалой осторожностью, чтобы продолжать ласкать человеческое ухо благородными гармониями. Сегодняшняя музыка, становясь постоянно все более сложной, стремится объединять самые несочетаемые, странные и резкие звуки. Так мы подходим всё ближе к звуку-шуму.

Эта музыкальная эволюция сопровождается увеличением числа машин, которые помогают человеку в большинстве его занятий. Не только в ревущей атмосфере мегаполисов, но и в сельской местности, которая еще вчера была абсолютно беззвучна, машины сегодня создали такое разнообразие и многоголосие шумов, что чистый звук, с его незначительностью и монотонностью, больше не вызывает никаких чувств.

Чтобы восхитить и возвысить наши чувства, музыка развилась в направлении самых сложных полифоний и максимального разнообразия, в стремлении к самым сложным последовательностям диссонантных гармоний, неосознанно подготавливая создание музыкального шума. Эта эволюция в направлении музыкального шума была невозможна до настоящего времени. Ухо человека из восемнадцатого века никогда не смогло бы вынести несогласованную мощь некоторых гармоний, создаваемых нашими оркестрами (количество участников которых утроилось с тех времен). Для наших же ушей они звучат мило, поскольку наш слух уже научен современной жизнью, пестро наполненной разнообразными звуками. Но наши уши не удовлетворяются только этим, требуя еще большего разнообразия акустических возбуждений.

С другой стороны множество тонов музыкального звука качественно ограничено. Самые сложные оркестры сводятся к четырем или пяти типам инструментов, различающихся тембрами: струнные, щипковые, деревянные и металлические духовые, перкуссия. И современная музыка ходит по этому короткому кругу, в тщетных попытках найти новые диапазоны тонов.

Этот замкнутый круг чистых звуков должен быть разомкнут и бесконечное разнообразие шумов должно быть завоевано.

Кроме того, любой человек подтвердит, что всякий музыкальный звук содержит в себе представление о развитии чувств, знакомом и не раз испытанном, которое предрасполагает к скуке, несмотря на инновационные усилия музыкантов. Мы, Футуристы, глубоко любили и наслаждались гармониями великих мастеров. На протяжении многих лет Бетховен и Вагнер потрясли наши сердца и щекотали наши нервы. Теперь мы пресыщены и находим больше удовольствия в сочетании звуков трамваев, карбюраторных моторов, экипажей и шумной толпы, чем на репетиции, например, «Героической» или «Пасторальной».

Мы не можем наблюдать грандиозную архитектуру современного оркестра отдельно от чувства глубочайшего и полного разочарования незначительностью его звуковых достижений. Вы можете представить себе что-нибудь более нелепое, чем старания двадцати мужчин умножить негромкий звук скрипки? Всё это заставит закричать истинных ценителей музыки, оживив, быть может, тем самым сонную атмосферу концертных залов. Давайте мы, Футуристы, войдем в эти больницы, наполненные анемичными звуками, в которых первый же такт приносит скуку своим узнаваемым звучанием и предвосхищает скуку, вызываемую последующими тактами. Давайте наполним вкусом, такт за тактом, эти две или три разновидности чистопородной скучной музыки, слушая которую мы постоянно ждем сенсации, которая никогда не случается.

Пока же отвратительное блюдо музыки стряпается из монотонных ощущений и идиотских религиозных переживаний слушателей, по-буддистски пьяных от повторения в сотый раз своих снобистских второсортных экстазов.

Прочь! Давайте убежим, потому что мы не можем больше сопротивляться нашему желанию создать новую музыкальную реальность, щедро раздавая пощечины,

отказываясь от скрипок, фортепиано, двойных басов и заунывных органов. Давайте вырвемся из их плена!

Не будем спорить, что шумы исключительно громки и неприемлемы для уха.

Кажется бессмысленным перечислять все приятные и деликатные шумы, которые позволяют создавать приятные ощущения.

Чтобы убедить себя в потрясающей многообразии шумов, достаточно вспомнить о раскатах грома, свисте ветра, реве водопада, журчании ручья, шуршании листьев, цокании скачущей лошади, гроыхании телеги на брусчатке, щедром и торжественном белом дыхании ночного города, всех звуках, производимых дикими и домашними животными, и всех звуках, которые можно произвести с помощью человеческого рта, не прибегая к речи и пению.

Давайте пролетим сквозь современный город, ослабив зрение и усилив слух, и мы различим струи жидкостей и газов в металлических трубах, ропот шумов, первобытно дышащих и пульсирующих, стук клапанов, движение поршней, рев механических пил, грохот трамваев по рельсам, щелчки кнутов, хлопанье флагов и шуршание занавесок. Мы воображаем падающие с грохотом железные шторы магазинчиков, хлопающие двери, шум и шарканье ног множества людей, разнообразие грохота от станций, железных дорог, литейных цехов, крутящихся колёс, печатных станков, электрических подстанций и подземок.

Не стоит также забывать новейшие шумы войны. Недавно поэт Маринетти в письме из траншеи Эдирне описал мне в восхитительном стиле *слова на свободе* оркестр великой битвы.

«Каждые 5 секунд осадные пушки вспарывают атмосферу аккордами ЗАНГ-ТУМ-ТУУМ восстание 500 эхо неистово разносит их во все стороны до бесконечности. В центре этого ненавистного ЗАНГ-ТУМ-ТУУМ 50 квадратных километров вспыхивающие взрывы разбитые в кровь кулаки скорострельные огневые точки. Жестокость свирепство непрерывность этот глубокий бас проходящий сквозь странные яростные кричащие толпы воюющих Ярость бездыханные уши глаза ноздри открытые! заряд! огонь! какая радость вдыхать чувствовать всецело трататата пулеметов кричащие бездыханный под обжигающими ударами траак-траак хлопки пик-пак-пум-тум странность дислокация 200 метров. Далеко-далеко на задах оркестра озера грязные пыхтящие погоняемые овцы вагоны плаф-плеф лошади действие флик флак зинг зинг шаак смеющиеся ржут звеняащие бряаакающие проститутки 3 болгарских батальона маршируют крууук-крааак [медленно] Шумит Марица окровавленная ЗАНГ-ТУМ-ТУУУМ ток-ток-ток-ток [быстро] круук-краак [медленно] крики офицеров хлопает как медные тарелки пан тут паак там БУУУМ чинг-чак [очень быстро] ча-ча-ча-ча-чаак там внизу где-то выше сильно выше берегись твоя голова прекрасна! Вспышка вспышка вспышка вспышка вспышка вспышка крепость освещена как сцена там ниже за дымом Шукри-паша связывается по телефону с 27 фортами по-турецки по-немецки Алло! Ибрагим! Рудольф! алло! алло! актеры части эхо суфлёров декорации из дыма леса аплодисменты запах сена грязь навоз я больше не чувствую замерзшие ноги запах пороха запах гнили Литавры флейты кларнеты всюду низко высоко птицы щебечут благословенные тени чиип-чиип-чиип зеленые легкий ветер стая дон-дан-дон-дин-бааах Оркестр безумцы бьют исполнителей они ужасно биты играют Хорошо дин не стирается расчищается отрезаем легче носы очень маленький обрывки эхо в области театра 300 квадратных километров Реки Марица Тунгия раскинулись Горы Родопи выросшие высота ложки 2000 шрапнель размахивающие руки

взрывается очень белые платки полные золота сrrrrr-ТУМ-ТУМ 2000 поднятых гранат вырывают взрывы очень черных волос ЗАНГ-srrrrr-ТУМ-ЗАНГ-ТУМ-ТУУМ оркестр шумов войны набухает под задержанной нотой тишины в высоком небе вокруг золотого шара который взирает на огонь...»

Мы хотим приспособить и управлять этим огромным количеством шумов гармонически и ритмически.

Приспособить шумы не значит откинуть их неравномерные движения и вибрации во времени и громкости, но найти градации и тона наиболее доминирующих в них.

На самом деле шум можно отличить от звука только по тому, насколько вибрации, которые он производит, беспорядочны и неравномерны, как по длительности, так и по громкости.

Каждый шум имеет тон, а иногда и гармонию, которые преобладают в теле его неравномерных составляющих.

И именно от этого главного, характерного тона можно перейти к практической возможности использования шумов, сопоставить шуму не один тон, но набор тонов, не теряя при этом определяющего тона. Тогда, например, любой шум, полученный в результате кругового движения, может быть использован для получения восходящей и нисходящей хроматической гаммы путем увеличения или уменьшения скорости вращения.

Всякое проявление нашей жизни сопровождается шумами. Поэтому шум знаком для нашего уха и даже имеет силу творить жизнь сам по себе. Звук, чуждый нашей жизни, всегда музыкален, вещь в себе, случайный и необязательный элемент, стал для наших ушей тем, чем становится очень знакомое лицо для наших глаз. В то же время шум доходит до нас спонтанно и нерегулярно в случайные моменты нашей жизни, никогда до конца не открывает себя и держит многие секреты про запас. Поэтому мы уверены, что отбирая, координируя и контролируя шумы мы обогатим человечество новым и неожиданным чувственным развлечением.

И хотя шумам свойственно напоминать нам о нашей жестокой жизни, искусство шумов не должно ограничиваться имитирующим воспроизведением. Оно достигнет своей максимальной эмоциональной силы путем акустического удовольствия, само по себе, которое будет создаваться вдохновением художника, сочетающего разные шумы.

Ниже представлены 6 семейств звуков Футуристического оркестра, которые мы скоро научимся производить механическим путем:

- 1) Громыхания, гром, взрывы, столкновения, всплески, гудение.
- 2) Свист, шипение, фыркание.
- 3) Шепот, мурлыканье, бормотание, рычание, журчание.
- 4) Скрежет, скрип, хруст, жужжание, треск, шарканье.
- 5) Шумы, производимые стучанием по металлу, дереву, коже, камням, терракоте.
- 6) Голоса животных и людей; крики, визги, стоны, вой, причитания, смех, хрип, плач.

Сюда мы включили наиболее характерные из фундаментальных шумов; другие шумы являются близкими к ним или их сочетаниями. Ритмические рисунки шумов бесконечно разнообразны, но как и с тоном, всегда есть доминирующий ритм, одновременно с

которым можно присутствует и множество дополнительных ритмов.

Заключения.

1) Музыканты-футуристы должны постоянно увеличивать и обогащать набор звуков. Это отвечает необходимости, которую мы чувствуем. На самом деле мы замечаем в творчестве гениев тенденцию к самым сложным диссонансам. И чем больше они отдаляются от чистого звука, тем ближе они к звуку-шуму. Эта потребность и тенденция может удовлетворяться только путем добавления шумов и замены звуков на шумы.

2) Музыканты-футуристы должны заменять ограниченное количество тембров, предлагаемых современным оркестром, бесконечным множеством тембров шумов, воспроизводимых с помощью механизмов.

3) Чувственность музыканта, освобожденная от поверхностного и традиционного ритма, должна найти в шумах способы расширения и обновления, учитывая, что каждый шум объединяет в себе самые разнородные ритмы помимо главного, доминирующего.

4) Поскольку каждый шум содержит главный, господствующий тон, то будет легко предусмотреть в конструкции механизмов, имитирующих шум, большое разнообразие тонов, полутонов и четвертитонов. Это множество тонов не заглушит главный тон, а только подчеркнет его.

5) Практические сложности в конструировании нужных инструментов несерьезны. Как только механический принцип, производящий шум, будет найден, его тон может меняться путем следования общим законам акустики. Если инструмент будет содержать в себе круговое движение, например, мы будем уменьшать или увеличивать скорость, если же кругового движения не будет, то части, производящие шум, будут отличаться в размерах или натяжении.

6) Новый оркестр будет производить самые сложные и новейшие слуховые возбуждения не путем воспроизведения последовательности шумов, имитирующих жизнь, но посредством манипулирования и сопоставления этих всевозможных тонов и ритмов. Поэтому инструмент должен будет предоставлять возможность изменения тонов и разный уровень громкости.

7) Множество шумов бесконечно. Если сегодня, когда у нас есть, может, тысячи разных машин, мы можем различать тысячи разных шумов, завтра же, когда количество новых машин умножится, мы сможем слышать десятки тысяч шумов, полученные не просто путем имитации, но путем комбинирования, основанного на воображении.

8) Поэтому мы приглашаем молодых музыкантов произвести внимательное исследование всех шумов, чтобы понять, из каких многочисленных ритмов они составлены, найти их основные и вторичные тона. Сравнивая тона разных шумов с тонами музыкальных звуков, они смогут убедиться в том, насколько первые превосходят последних. Это даст не только понимание, но и вкус и страсть к шуму. Наша усиленная чувственность, уже покоренная зрением Футуризма, наконец получит слух Футуризма. Таким образом моторы и машины наших индустриальных городов однажды сольются в единой симфонии, и каждая фабрика превратится в опьяняющий оркестр шумов.

Уважаемый Прателла, я предлагаю эти утверждения вам, гению Футуризма, и приглашаю к обсуждению. Я не музыкант, и поэтому не имею особых акустических склонностей или

работ, которые мне нужно было бы защищать. Я футуристический художник, который использует любимое искусство, чтобы спланировать свое стремление к обновлению всего. Именно поэтому с большей отвагой, чем мог бы себе позволить профессиональный музыкант, не заботясь об обманчивой компетентности, убежденный, что мужество завоевывает права и использует все возможности, я смог почувствовать великое обновление музыки через Искусство шумов.

1913